

РАЗДЕЛ I
СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО И СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА

PART I
NETWORK SOCIETY AND NETWORK COMMUNITIES

В.В. Василькова

**СЕТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ:
ОТ МЕТАФОРЫ К МЕТАТЕОРИИ***

Многомерность и разнообразие представлений о сетях в современном социальном познании актуализируют вопросы не только о когнитивном статусе самого термина «сеть», но и об уровнях и формах знания о сетях, а также о перспективах развития этой исследовательской области. В рамках данной статьи анализируется ряд когнитивных характеристик, заложенных в метафоре сети, позволяющих акцентировать внимание исследователей на пространственной неравномерности социальных структур и их нелинейной динамике, разреженном характере социальных взаимодействий, многомерности социального конструирования. Эти особенности позволяют говорить о продуктивном потенциале метафоры сети для формирования не только социетальных теорий, но и создания сетевой метатеории, в рамках которой сам процесс порождения знания понимается как процесс конструирования сети теоретических сопряжений.

Ключевые слова: эпистемология, метафора, сеть, социетальная теория, метатеория.

Valerya Vasilkova

**NETWORKS IN SOCIAL KNOWLEDGE:
FROM METAPHOR TO METATHEORY**

Multidimensionality and diversity of views on networks in contemporary social knowledge bring forward questions not only about the cognitive status of

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта НИР Санкт-Петербургского государственного университета 0.38.171.2011 «Сетевые структуры науки: создание знания в интеллектуальном ландшафте».

the term “network”, but also about the levels and forms of knowledge about networks, as well as about the potential of this research area. This article analyzes several cognitive characteristics of the network metaphor. These characteristics draw researchers’ attention to the spatial diversity of social structures and their nonlinear dynamics, the dispersed nature of social interactions, and the multidimensionality of the process of social construction. These features witness productive potential of the network metaphor as a basis for forming not only societal theories, but also a network meta-theory, in which the process of knowledge creation itself is understood as the process of constructing a network of theoretical couplings.

Key words: *epistemology, metaphor, network, societal theory, metatheory.*

Понятие сети в современном социальном познании имеет множество измерений, коннотаций и уровней рефлексии. Мы говорим о сетевой теории (точнее, о сетевых теориях), сетевом подходе, сетевом обществе, сетевой культуре, виртуальных сетях, социальных сетях, межфирменных и организационных сетях, сетях знания, когнитивных сетях и т. д. С одной стороны, сети стали своеобразным кодом современного миропонимания. С другой стороны, главными особенностями знания о сетях стали многомерность и многослойность этой области знания, разнообразие методологических принципов, фундирующих знание о сетях. В значительной степени это обусловлено экспоненциальной популярностью данной тематики (даже модой на нее), что способствует тому, что знание о сетях одновременно «прорастает» в самых разных науках и областях знания — когнитивистике, социологии, экономике, политике, менеджменте, семиотике и др.

Все это дает основание ряду ученых полагать, что «сеть» — это не столько понятие, сколько продуктивная «зонтичная» *метафора*, объединяющая некий гештальт, ракурс рассмотрения социального мира. (Одними из первых такую версию в 1977 г. высказали в своей статье Г. Уайт, С. Бурман и Р. Брейгер (White, Voorman, Breiger 1977.) Вместе с тем с усилением влияния сетевого анализа, осуществляющего экспансию математических методов и методов моделирования в самые разные научные дисциплины социогуманитарного профиля, растет стремление к формализации знания о сетях, созданию единой теории сетей со всеми предполагаемыми атрибутами строгого научного знания.

Многомерность и разнообразие представлений о сетях в современном социальном познании актуализирует вопросы не только о когнитивном статусе самого термина «сеть», но и об уровнях и формах знания о сетях, а также о перспективах развития этой исследовательской области. В рамках данной статьи будут проанализированы некоторые важные когнитивные характеристики, заложенные в метафоре сети, которые позволяют говорить о ее продуктивном потенциале не только для формирования социетальных теорий, но и для создания сетевой метатеории, в рамках которой сам процесс порождения знания понимается как процесс конструирования сети теоретических сопряжений.

Анализ и конструирование знания с позиций социальной эпистемологии

Первая проблема, которая возникает в процессе реализации поставленной задачи, — это проблема сопоставимости и соотношения таких способов мирописания, как метафора и научная теория, поскольку в них фиксируются различные уровни познания и различные способы рефлексии социальной онтологии.

Для описания достоинств и недостатков (точнее, ограничений) различных типов знания, а также способов их продуктивного сосуществования мы будем использовать объяснительные принципы социальной эпистемологии, которые первоначально были сформулированы в рамках социологии научного знания. Именно представителями этого научного направления была предложена так называемая сильная программа, открывающая новые горизонты в изучении генезиса научного знания, соотношения различных типов знания и их социальных репрезентаций.

Вкратце эти принципы таковы (Bloor 1991: 7):

- 1) каузальность: необходимо выявлять причинное объяснение знания, хотя такое объяснение не исчерпывается социальными причинами;
- 2) беспристрастность: достойны внимания все виды знания в равной степени, независимо от того, истинное оно или ложное, рациональное или иррациональное, успешное или несостоятельное;
- 3) симметричность: объяснение должно сводить различные виды знания к одним и тем же типам причин;
- 4) рефлексивность: данные принципы объяснения социология знания должна применять и к самой себе.

Социальная эпистемология особое внимание уделяет выявлению структурных прообразов социального. За определенным типом знания всегда обнаруживается определенный тип социальности. Различные системы знания релевантны определенным локализованным (во времени и пространстве) сообществам, которые породили данную систему знания и описывают себя посредством нее.

Научные теории, как и другие системы знания, также социально обусловлены и являются следствием «социальной договоренности». То, какие взгляды считаются в конкретном сообществе истинными или ложными, определяется социальными интересами и социальной структурой того или иного сообщества. Все это, безусловно, меняет понимание истины в процессе познания: истина теперь обусловлена характером аргументации и социально детерминирована (теперь знание — это все то, что люди считают знанием).

В качестве одного из аргументов социокультурной обусловленности знания Д. Блуром используются идеи Э. Дюркгейма о религии как способе восприятия и скрытого знания об обществе (Bloor 1991: 46–54). Религия — это система идей, с помощью которых индивиды представляют себе общество, в котором они живут. Блур, развивая подход Дюркгейма, полагает, что любая концепция знания или теория познания имеет характер социальной модели. Размышляя о природе знания, люди косвенно размышляют о принципах организации обще-

ства, которому принадлежат. Иными словами, общество становится прообразом системы знания. Думая о знании, мы думаем об обществе, поскольку, по выражению Блуря, знание — слишком абстрактная вещь, чтобы рассуждать о ней вообще, без всякого прообраза.

Эпистемологическое измерение метафоры: реальность как сеть взаимоотношений

Рассматривая с позиций социальной эпистемологии тип знания, связанный с использованием метафор, можно понять, что их многозначность и семантическая расплывчатость отражает особое состояние социальной жизни и представляет собой соответствующий ему способ самоописания общества. Для того чтобы охарактеризовать эти состояния и социальные трансформации, свойственные им, важно понять, в чем заключается специфика двух способов познания — категориального и метафоричного, и какие типы социальной онтологии в них отражены. Остановимся на этом несколько подробнее.

Категории представляют собой первичные понятийные структуры, создающие рациональную картину познаваемого объекта. Наличие категориальной решетки фиксирует уже «отстоявшееся», структурированное знание, в котором логически обосновано соотношение понятийных единиц. Категориальная строгость не допускает семантической неоднозначности понятий, внезапных или дополнительных (не общезначимых) коннотаций.

Метафора (от греч. перенесение) — это перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту (Метафора 1998: 419). С позиций классической рациональности метафора не может непосредственно выражать мысль и передавать знания, т. е. сообщать истину. Это связано с логической нестрогостью метафоры, ее область исследования не определена и не зафиксирована, соотношение с другими семантическими (смысловыми) единицами не очевидно и не обосновано. Однако все это не значит, что метафоры представляют собой сугубо ненаучное знание. С позиций социальной эпистемологии метафоры играют важнейшую конструктивную роль в познании, в том числе и в динамике собственно научного знания.

Прежде всего, метафора играет принципиальную роль на этапе становления нового знания, когда происходит первоначальная вербализация новых представлений и требуются новые языковые средства для адекватной интерпретации полученной информации и введения ее в общую систему знания. В данном случае метафора выступает в роли когнитивного механизма, способного при помощи подвижного семантического смещения «рамки» и «фокуса» продуцировать новые образные модели, на основе которых впоследствии создаются новые теоретические положения (Martin, Harre 1982). Метафора строится на основе инвариантной концептуальной системы, которая образует в «зазоре» между образами и понятиями новое смысловое пространство и закрепляет в языке новые динамические смыслы. Кроме того, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора становится основой категоризации, поскольку катего-

ризация является способом отождествления вида объекта или опыта при помощи высвечивания одних свойств и отвлечения от других, а метафора как раз и задает нужный фокус внимания. Поэтому можно сказать, что метафора незримо организует научное познание. Интеллектуальные концепты (в частности, понятия научной теории) основаны на метафорах с физическим или культурным основанием. Более того, «интуитивная привлекательность научной теории зависит от того, насколько хорошо ее метафоры соответствуют опыту человека» (Лакофф, Джонсон 2008: 43). И наконец, метафора — один из наиболее убедительных инструментов междисциплинарности. Метафора имманентно междисциплинарна, т. к. предполагает свободное перемещение (интеллектуальный дрейф) мысли из одного смыслового пространства в другое, сохраняя при этом специфический фокус внимания. Метафора связывает различные семантические концепты, которые до этого были логически не сопоставимы, соединяет различные пласты человеческого опыта. Метафора создает процедуры обработки различных структур знания и, в конечном счете, обеспечивает «выход на абстрактный уровень мышления» — в единую междисциплинарную модель знания.

Таким образом, можно предположить, что активное использование метафор на определенном этапе развития науки является индикатором становления нового понимания, что, в свою очередь, отражает становление новой онтологии. На каждом таком переходном этапе метафора служит своего рода зонтичным параметром, за которым стоят определенные парадигмальные очертания.

С позиций эпистемологии метафора задает не только определенную когнитивную акцентуацию, но и тип обоснования знания. В этом плане история науки предстает как история смены базовых метафор, связанных с изменением типа знания, картины мира в целом, а также способов описания новой картины мира. Современные трансформации фундирующих основ научного знания историки науки связывают с метафорой сети. Так, известный историк науки Ф. Капра в своей книге «Паутина жизни: Новое научное описание живых систем» (Капра 2002) пишет о том, что «сетевое мышление» изменило не только наш взгляд на природу, но и наш способ описания научного знания. Дело в том, что в течение нескольких веков ученые и философы применительно к знанию использовали метафору *здания*, с вытекающими отсюда многочисленными архитектурными метафорами. Стало привычным говорить о *фундаментальных законах*, *фундаментальных принципах*, об основных *строительных блоках* или *кирпичиках*, о том, что *здание* науки должно строиться на надежном *фундаменте*. Когда происходили значительные научные революции, то это воспринималось так, будто сдвигаются основания науки, весь ее фундамент. Эта метафора соответствовала механистическому мировоззрению, в соответствии с которым мир есть собрание объектов. Они в качестве частей системы взаимодействуют друг с другом, и, следовательно, между ними существуют взаимоотношения, однако эти взаимоотношения вторичны.

Благодаря открытиям квантовой физики стало очевидным, что «частей вообще нет». То, что мы называем частью, — это всего лишь паттерн в неделимой паутине взаимоотношений. Поэтому переход от частей к целому можно также

рассматривать как переход от объектов к взаимоотношениям. (В исследованиях последних десятилетий это мировидение наиболее адекватно представлено в теории самоорганизации диссипативных структур и синергетической теории сложности.)

В современном естествознании, как отмечает Капра, сами объекты являются сетями взаимоотношений, включенными в более обширные сети. Теперь взаимоотношения являются первичными, а границы различных паттернов («объектов») — вторичными. Так, живой мир предстает в виде сети взаимоотношений, а метафора сети сменяет метафору здания. «Материальная вселенная рассматривается как динамическая паутина взаимосвязанных событий. Ни одно свойство любой части этой паутины не является фундаментальным; все они вытекают из свойств других частей, и общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей паутины» (Капра 2002).

Новое понимание реальности требует и новых способов ее описания — знание должно представлять собой взаимосвязанную сеть понятий и моделей, в которой отсутствуют основы*. При этом, подчеркивает Капра, для большинства ученых такой взгляд на знание весьма неудобен и на сегодняшний день точно не является широко распространенным. Но, по мере того как сетевой подход будет распространяться в научных кругах, идея знания как сети несомненно будет находить все больше сторонников.

Сети как метафора для описания современного общества

Аналогичные «тектонические сдвиги» базовых метафор происходят и в области социального познания. При этом речь идет о метафорах особого рода — метафорах, которые могут служить логическим каркасом макросоциологических, социетальных концептов. Такие метафоры, на наш взгляд, обладают важной атрибуцией: они являются достаточно масштабными, чтобы описывать процесс социогенеза в целом (или, в терминах теории самоорганизации, социального космогенеза) — процесс структурообразования социального порядка из хаоса взаимодействий. В ходе своей «институционализации» такие метафоры становятся основанием для определенного способа описания, конструирования научных теорий (кластеров теорий), обладающих общезначимой (для разделяющего эти взгляды сообщества) категориальной структурой.

В истории социальной мысли наиболее влиятельной метафорой такого рода, фундирующей устойчивость и связность частей, может быть названа метафора общества как целостного организма, которая послужила толчком для

* Представление о научном знании как о сети понятий и моделей, в которой ни одна часть не более фундаментальна, чем другая, было сформулировано в 1970-е гг. физиком Джеффри Чу в виде так называемой бутстрап-теории. Философия бутстрапа не только отвергает идею фундаментальных кирпичиков материи, но вообще не принимает никаких фундаментальных сущностей — ни фундаментальных констант, ни фундаментальных законов или уравнений (Капра 2002).

формирования системной теории (и шире — системного подхода) в социологии, способной с позиций холизма описать многомерную структуру общества в ее развитии.

Сформировавшиеся на этой метафорической основе категориальные паттерны описания социальной реальности до сих пор продолжают эффективно работать в определенной когнитивной зоне, фиксируя устоявшиеся социальные связи в ситуации относительной стабильности. Однако начиная с 1980-х гг. в социальном знании формируется новый гештальт социального мировидения — основным фокусом внимания становятся новая социальная онтология «текущей современности» и соответствующие ей принципы описания социогенеза (динамизм, неустойчивость, стохастичность, нестабильность, конструктивистская роль социальных субъектов), т. е. принципы, фундирующие нестабильную и неустойчивую связность. Объединяющей, «зонтичной» метафорой для описания этих онтологических феноменов «паутины социальной жизни» (если использовать термин Ф. Капры) является метафора сети. Эта метафора оказалась наиболее адекватной и перспективной для описания новой социальной онтологии, на наш взгляд, по ряду причин.

Во-первых, образ сети отражает *пространственную неравномерность* ткани социальной жизни, а также *динамику (и саму возможность) ее трансформации* (возможность «переплести сеть»). Действительно, для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости. При этом важно подчеркнуть, что конфигурации сетей являются чрезвычайно динамичными — центр и периферия могут меняться, а точнее — «перемещаться» по сети. Таким образом, сама метафора сети открывает перспективы для описания динамики социального переструктурирования.

Во-вторых, метафора сети несет в себе коннотацию *разреженной ткани*, что позволяет описать новый тип социальных отношений в современном обществе. Поскольку данная характеристика является, по мнению целого ряда социологов, важнейшей для современного миропонимания, остановимся на ней немного подробнее.

Новая социальность — это социальность «ослабления связей», порождаемых, по выражению З. Баумана, новым типом неопределенности. «Современные страхи, тревоги и обиды созданы для того, чтобы переживать их в одиночку. Они не складываются, не аккумулируются в “общую причину”, не имеют никакого определенного, а тем более очевидного адреса» (Бауман 2008: 160). Современная неопределенность порождает мощную индивидуализацию — она не объединяет людей во имя защиты общих интересов (как это было раньше), а разделяет их. Нарушаются сами основы прошлой солидарности. Это связано с тем, что использование рабочей силы стало кратковременным и зависящим от неопределенных обстоятельств, лишенным твердой перспективы, т. е., иными словами, правила игры меняются слишком быстро и непредвиденно, непредсказуемо. Место работы воспринимается теперь не как «общее постоянное место жительства», где человек собирается стойко переносить неприятности и

вырабатывать приемлемые правила общежития, а как «палаточный лагерь, где человек остановился лишь на несколько дней и может покинуть его в любой момент, если предлагаемые удобства не предоставлены или не удовлетворительны» (Там же: 161). Современное общество — это общество «слабых связей» (М. Грановеттер), в котором, как считает Р. Сеннетт, «мимолетные формы сотрудничества полезнее для людей, чем долгосрочные связи» (Sennett 1998: 24). Когда отсутствуют основания для формирования общих интересов, исчезает потребность и необходимость самого «искусства диалога» как проявления стабильных, долгосрочных, сильных связей. Теряется стимул для трудной и порой жертвенной работы по сохранению и развитию партнерских отношений, длительных человеческих отношений. Становятся нормой принципы «временного сожительства», когда разрыв отношений возможен в любой момент и по любой причине, как только исчезают необходимость или желание их продолжать.

Еще одним атрибутом легкого современного капитализма, порождающего «ослабление связей», является консьюмеризм с его интенсивной сменой потребительских запросов и желаний. Теперь нет смысла держаться за устаревший или некачественный продукт — следует просто найти новый и усовершенствованный (легче заменить друга, чем сохранять его) (Там же: 176). Это ведет не просто к тотальной временности партнерских отношений, но также к их поверхностности и функциональности — разреженному характеру социальной сети.

В-третьих, метафора сети ориентирована на созидание и *социальное конструирование*. Она чрезвычайно созвучна по смыслу постмодернистской (и герменевтической) традиции понимания творчества как ткачества. Слова «текст» и «текстиль» являются родственными, и по законам наложения смыслов в метафоре получается, что человек создает текст как ткань. Социальный актор также создает «ткань сети», выстраивая связи и отношения разной степени интенсивности. Причем процесс этого созидания касается не только онтологического, но и гносеологического уровня, т. е. процесса конструирования сети как предмета исследования. Таким образом, сама метафора сети предопределяет выбор ведущей методологии исследования — методологии конструктивизма.

И, наконец, в-четвертых, метафора сети — это, безусловно, метафора *социетального уровня*, охватывающая всю совокупность социальных отношений, поскольку в качестве сетей можно представить социальную систему любого уровня, включая общество в целом. При этом структура сети объединяет микроуровневые взаимодействия акторов и макроуровневые структурные конфигурации, что позволяет говорить об интеграционном потенциале теоретических моделей общества, базирующихся на сетевой метафоре.

Таким образом, перечисленные особенности использования сетевой метафоры (открытый характер терминов, акцентуация динамических процессов структурообразования, социетальный масштаб конструирования социогенеза) может, на наш взгляд, свидетельствовать о продуктивной перспективе ее трансформации в социетальную теорию общества.

Формирование социетальной теории сетей: версия Б. Латура

Среди существующих теорий, описывающих общество как совокупность сетевых структур, мы в рамках нашего анализа фокусируем внимание на теории Б. Латура (несмотря на многочисленные споры, которые она вызывает) по трем причинам. Во-первых, эта теория, на наш взгляд, весьма продуктивно использует когнитивный потенциал метафоры сети для концептуального конструирования. Во-вторых, версия сетевой теории Латура позволяет охарактеризовать не только современное общество, в котором сетевые структуры играют ключевую структурообразующую роль (что убедительно показано, например, в работах М. Кастельса), но и всю социальную историю — историю преобразования человеком материального мира. В-третьих, эта теория интегрирует не только микро- и макроуровни социального бытия, но и онтологию природного и социального, что приводит к обобщениям более высокого уровня. Остановимся на этих положениях более подробно.

Б. Латур видит в метафорической неформленности термина «сеть» целый ряд достоинств для онтологического и теоретического конструирования, в частности, возможность описать «гибридность» и «запутанность» бытия. Это понятие более гибкое, чем понятие «система», более историческое, чем понятие «структура», более эмпирическое, чем понятие «сложность» (Латур 2006: 62). В работах Латура работают различные коннотации метафоры сети, в том числе макраме как разреженная сеть: каждая сеть прорежена и пуста, хрупка и гетерогенна, а усиливается только тогда, когда расширяется (Там же: 34). Благодаря своей когнитивной гибкости это понятие соединяет природу и общество, вещи и знание, т. е. является своего рода нитью Ариадны в описании маргинальных, многослойных, интегративных по своей природе феноменов — т. е. таких, которые только и могут быть действительно интересны исследователям нового типа. Предмет изучения в таком случае — «...не вещи-в-себе, но то, как эти вещи вовлечены в наши коллективы и в наши субъекты. Мы ведем речь не об инструментальном мышлении, но о самой материи наших обществ» (Там же: 62).

Источником вдохновения и прообразом для сетевой модели является для Латура исследовательская лаборатория. В своей работе «Лабораторная жизнь» он дает исходное определение сети как набора позиций, внутри которого тот или иной объект имеет значение. В дальнейших работах он предлагает понимать сеть как «ассоциацию разнородных элементов», которая включает в себя самые разные по природе вещи — социальные, природные, технические (люди, организации, микробы, приборы, спонсоры, пробирки, теоремы, подопытные животные и т. д.), т. е. «человеки» и «не-человеки». Латур также использует для наименования элементов сети объединенный термин «актант» — любое действующее лицо, участвующее в построении и развитии сети; это тот, кто попал в сеть, чья роль в сети так или иначе учитывается.

Для жизни сети не важно, из каких элементов (звеньев) она состоит; важно, какие из них выдержат «столкновения в испытании сил»: умрут ли подопытные крысы, уйдет ли спонсор — для сети это имеет одинаковые последствия. Ис-

кусство создания сети — это искусство связать и удержать все разнородные элементы вместе. Рост сети — это объединение слабостей, их испытание силой и затвердевание, что ведет к возникновению устойчивой комбинации сил. Латура в разных своих работах описывает жизненный цикл сети, пять этапов ее «затвердевания», критерии трансформации сети (появление «точек перехода» в новое состояние) и т. д.

Не останавливаясь на деталях латуровских представлений о жизни сетей, заметим главное для нас — в его работах сопрягаются и взаимно подпитывают друг друга два пласта (уровня) понимания и репрезентации сети — как космогонической метафоры и как социетальной теории.

Сеть как космогоническая метафора представлена у Латура не только в использовании натурфилософских по своей сути (и по своим истокам) аналогий и терминов — например, таких, как энтелехия, монада и др. Само структурообразование сети предстает у него как рождение космоса из хаоса. Функцию хаоса выполняют «фон» и «плазма». Как замечает О. Хархордин, важно терминологически и содержательно разделять «фон» и «плазму» (Там же: 54–56). Заметим, что с точки зрения космогенеза эти различия связаны с уровнем и структуропорождающими функциями хаоса (См.: Василькова 1999: 159–190). Фон в латуровском понимании — это то, что не попало в фокус рассмотрения (вещи, установки, операции лаборатории и др.), но одновременно и то, что является необходимым условием для нового открытия. Фон может быть конструируем («пересобран») руками и интеллектом самих ученых: расширение сети и есть конструирование материального фона за счет выстраивания новых эквивалентностей. Плазма (или пустота между «нитеями сети») — это то, что не заметно на фоне, то, что не оформлено, но потенциально именно плазма дает возможность как для «пересборки» нового фона (заднего плана), так и для появления новых феноменов на переднем плане. Без нее жизнь превращается в предустановленное движение по существующим путям. Таким образом, латуровский хаос имеет такую же амбивалентную с точки зрения структурообразования природу, что и хаос мифологический (и, заметим, хаос диссипативный, исследуемый в работах по самоорганизации сложных систем).

Социетальные характеристики сетевой теории Латура, на наш взгляд, проявляются в следующих явных (или латентных) интенциях:

1. Бытие необходимо описывать с позиций онтологического синтеза природного, технического, социального — синтеза, объединяющего реальность в единый материально-идеальный континуум; все это можно рассматривать и как своеобразный вариант натурфилософии XXI века, который, кстати, задает и новое измерение социетальности.

2. Образ социального мира в целом предстает как многомерный и многоуровневый процесс рождения, затвердевания и умирания сетей, борьбы сетей между собой за влияние. Созидание (испытание сил) идет как внутри сети, так и между сетями, побеждают те сети, которые способны собрать вокруг себя больше актантов. В таком случае любая деятельность (не только научная) — это столкновение оформленных в узнаваемые очертания сетей (Там же: 32). Иными

словами, сетевое описание охватывает как микро-, так и макроуровневые процессы социальной жизни.

3. Сеть понимается не как устойчивая структура, а как беспрестанно конструируемый процесс образования связей и их испытаний. Весьма показательным, что в одной из своих работ Латур весьма критично относится к тому, что в современном социальном познании стало почти аксиоматичным понимать сеть как всемирную паутину по модели Интернета. Если главное в сети — не узлы и структуры, а неустанная работа по становлению связей и эквивалентностей между узлами сети, то термин *network* может быть признан неудачным, более точным был бы, по мнению Латура, термин *worknet*, фиксирующий эту работу по созиданию сети. Собственно, латуровская сеть может существовать только в процессе самоконструирования, «связывания и плетения».

Безусловно, теория Б. Латура — не единственная сетевая теория, которая может претендовать на универсальную значимость в социальном познании. Однако, на наш взгляд, сам конструкт сети, отражающий описание структурной динамики различной природы, не только создает почву для обширных междисциплинарных исследований (обобщая наработки таких областей знания, как, например, сети знания, семантические сети, когнитивистика, теория графов и др.), но и обладает потенциалом метанаучного знания.

Метатеоретический потенциал сетевой теории

Под метатеорией понимается теория, анализирующая различные свойства, структуру, закономерности, методы и приемы исследования другой теории (или группы теорий), называемой объектной или предметной (Метатеория 1998: 416—417). Метатеория выполняет методологическую функцию по отношению к определенной области научного знания, ее интересует не столько содержание данной области знания, сколько способы структурирования и обоснования этого знания, логической соотнесенности, если можно так сказать, «единиц анализа». Метатеория анализирует сами исследовательские стратегии, их логическую формализацию — свойства вывода, предпосылок и непротиворечивости аксиом, закономерностей установления значений и разработки концепций в рамках того или иного предметного знания. В метатеории выделяют два уровня анализа — синтаксис, изучающий структурные и дедуктивные свойства исследуемой теории (теорий), и семантику, рассматривающую вопросы, связанные с интерпретацией изучаемой теории (теорий).

В общенаучном плане эти познавательные функции выполняют металогика и метаматематика, а также философская рефлексия. Однако влияние идей социальной эпистемологии значительно расширило понимание роли и содержания метатеорий. В зону их внимания теперь включаются не только формализованные принципы: важную роль играет анализ социокультурного контекста и социокультурной обусловленности знания. Поэтому в настоящее время метанаука — это поле разнообразных логико-методологических исследований, на котором сосуществуют различные версии метанаук в различных областях зна-

ния, например, в системном подходе (Левич 2006), в изучении культуры (Самойлов 2009), социальной коммуникации (Крейг 2003) и т. д.

Важно подчеркнуть, что в социальном познании потребность в метатеориях стала осознаваться и активно обсуждаться с конца 1980-х гг. Это было связано, прежде всего, с осмыслением неустранимости теоретического и методологического плюрализма. В частности, Р. Коллинз обосновывает движение от разнообразия теорий к построению метатеоретических конструкций необходимостью изменить фокус рассмотрения и оценки с принципов классической рациональности на принципы эпистемологии (Коллинз 1999).

Как мы уже отмечали, с позиций социальной эпистемологии истинность той или иной теории определяется непротиворечивостью ее интерпретационной схемы. Поэтому для описания конкретного социального феномена возможно создание целого ряда альтернативных концепций. Иерархическая значимость и степень убедительности определенного теоретического конструкта определяется продуктивностью применимости его результатов для понимания социальных реалий. В этой ситуации построение социологического знания обретает черты «коллективного предприятия и в более чем одном измерении», что требует умений и способностей «сосредоточиться на согласовании теоретических концепций поверх границ разных исследований» (Там же: 67–68).

По сути дела, создание метатеории в атмосфере плюралистического многомерного знания есть искусство создания *сети смыслов*, умение устанавливать взаимосвязи и соотнесения между теориями, учитывающими различные аспекты или ракурсы рассмотрения объекта — иными словами, установления (конструирования) узлов на пересечении тематических взаимосвязей.

Безусловно, возможны различные варианты выстраивания сетевой метатеории. Один из них принадлежит Р. Хойслингу, который предлагает конструировать *теорию о сети как сеть* (мы можем назвать этот метатеоретический подход *структурным*). Обоснование Р. Хойслингом возможности построения сетевой метатеории мы можем свести к следующим наиболее общим аргументам (Хойслинг 2003).

Во-первых, это наличие таких характеристик сетевого подхода, как «гибкость, динамизм и открытые границы». Если классическая теория систем (Т. Парсонс) была приспособлена для описания порядка и стабильности, для описания обобщенных структур основанного на рациональности общества, то сетевая теория обладает средствами для описания динамики и изменчивости. Эта гибкость задана, прежде всего, конструктивистским характером сетевой теории: речь идет о гибкости в определении, что является элементом сети, а что — нет; таким образом, составные части сети могут со временем стремительно меняться.

Во-вторых, сетевая теория может сопрягаться с другими теориями (например, с теорией власти, с теорией коммуникации, с теорией организации, с теорией институтов и т. д.). Данные теории служат, по словам Р. Хойслинга, своего рода модулями, между которыми возникает или существует сеть теоретических сопряжений. При этом описание общего теоретического здания, модулей как узловых точек и теоретических сцеплений как отношений осуществляется так-

же средствами сетевой теории, а она сама на другом уровне является составной частью общего теоретического конструкта. Такое структурное построение представляет собой фрактал (воспроизводство элементов целого на принципах самоподобия).

Радикальность подхода, по определению самого Хойслинга, заключается в представлении о теориях как о модулях. «Здание теории» возникает из переплетения теоретических «ядер»; при этом могут интегрироваться весьма разнородные теоретические положения, поэтому главное внимание необходимо уделять синхронизации и сопряжению различных позиций, инструментарий для которых дает сама сетевая теория. Причем метатеоретический масштаб расширяет предмет исследования, что создает более напряженные интерпретативные связи (по сравнению с более частными теоретическими сопряжениями).

В-третьих, сетевая теория обладает свойством идеологической нейтральности. К этой концептуальной схеме обращаются ученые самых разных взглядов — от неомарксистских до неолиберальных. Следуя фрактальной логике построения сетевой теории, можно заключить, что она может приобретать определенную мировоззренческую ориентацию, исходя из того, с какими «модульными» группами теорий она будет сопрягаться. Таким образом, каждая новая структурная конфигурация обогащает саму сетевую метатеорию.

Подводя итоги нашему рассмотрению, мы можем заключить, что знание о сетях в современном социальном познании представляет собой сложный ландшафт, на котором сосуществуют различные по формам и уровням обобщения конструкты. Знание о сетях репрезентируется и как обобщающая метафора, и как социальная теория, в том числе и теория социетального уровня, и как метатеория. Причем высокий уровень обобщения, проявляющийся в социетальных теориях и метатеориях, определяется теми когнитивными особенностями метафоры сетей, которые позволяют ей наиболее адекватно отражать и специфику современного общества, и специфику современного социального знания.

Литература

Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2008.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань, 1999.

Капра Ф. Паутина жизни: Новое научное понимание живых систем. М.: Гелиос, 2002. [<http://awake.kiev.ua/system/kapra.htm>].

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. / Вступ. статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 37–72.

Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика-III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общ-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 72–126.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2008.

Раздел I. Сетевое общество и сетевые сообщества

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.

Левич А.П. Общая теория систем как метатеория теоретического научного знания и темпорологии // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. М.: Новый Акрополь, 2006. С. 70–88.

Метатеория // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 416–417.

Метафора // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 419–420.

Самойлов С.Ф. Метатеоретическая интерпретация философии культуры. Автореф. дисс. ... д. филос. н. Ростов-на-Дону, 2009. [<http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a289.php>].

Хойслинг Р. Контексты и перспективы сетевой теории // Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории / Пер. с нем. М.: Логос-Альтера, 2003. [<http://www.cyberpolitics.ru/content/view/272/34/>].

Bloor D. Science and social imagery. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.

Martin J., Harre R. Metaphor in Science // Metaphor: Problems and Perspectives / Ed. by David S. Miall. Brinton: Harvester Press, Humanities Press, 1982.

Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York: W.W. Norman & Co., 1998.

White H., Boorman S., Breiger R. Social structure from multiple networks, I. Blockmodels of roles and positions // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 81.